

«ВОСТОЧНОЕ ПАРТНЕРСТВО»: ВЫЗОВ РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

А. А. Сергунин

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 18 августа 2009 г.

Аннотация: программа «Восточного партнерства», официально выдвинутая ЕС в мае 2009 г., явилась новым вызовом российской дипломатии в Восточной Европе. В политико-академическом сообществе РФ преобладают скептические и негативные оценки этой инициативы, связанные с опасениями возникновения новых разделительных линий в Европе и возможного подрыва российского геополитического влияния на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: «Восточное партнерство», европейская безопасность.

Abstract: the Eastern Partnership program that was officially initiated by the EU in May 2009 created a new challenge to Russia's diplomacy in Eastern Europe. The skeptical and negative assessments stemming from the fear of the rise of new dividing lines in Europe and potential decline of Russia's geopolitical influence in the post-Soviet space currently prevail in the Russian politico-academic community.

Key words: eastern Partnership, European security.

Классик геополитики Х. Макиндер еще сто лет назад считал, что Восточная Европа является ключевым регионом для стратегического соперничества между «сухопутными» (Россия, Германия, Франция) и «морскими» (Англия, США) державами. Согласно его геополитической формуле, кто контролирует ее, тот владеет «Мировым островом» (Евразия + Африка), а соответственно, и миром в целом [1]. Складывается впечатление, что формула Макиндера вновь приобрела актуальность в современных условиях. Фразеология используется иная, но суть политики ведущих игроков по-прежнему сводится к укреплению своего влияния в этом районе мира.

Недавняя инициатива ЕС и ряда постсоветских государств по созданию «Восточного партнерства» (ВП) вызвала в Москве немало вопросов относительно ее целей, содержания и последствий как для самой России, так и ее отношений с ЕС и странами СНГ.

Что такое «Восточное партнерство»?

7 мая 2009 г. в Праге был проведен специальный саммит, принявший декларацию по ВП и официально учредивший «партнерство». Было предложено развивать интеграционные связи с рядом постсоветских стран – Украиной, Молдовой, Беларусью, Грузией, Азербайджаном и Арменией. Предусматривалось, что ВП должно стать региональным (восточным) измерением европейской политики соседства, которая была инициирована ЕС в отношении своих «новых соседей» после очередного расширения в мае 2004 г.

В совместной декларации Пражского саммита по вопросам Восточного партнерства (далее – Пражская декларация) говорится, что «главной целью Восточного партнерства является создание необходимых условий для ускорения политической и экономической интеграции между Европейским союзом и заинтересованными странами-партнерами» [2]. Решить эту задачу планируется путем содействия политическим и социально-экономическим реформам в странах-участницах ВП. В частности, были названы 4 основных приоритета преобразований в странах-партнерах и – одновременно – их сотрудничества с ЕС:

- демократия, совершенная система управления и стабильность (административные реформы, антикоррупционные меры, обучение управленческого аппарата, развитие институтов гражданского общества, свободных СМИ и пр.);
- экономическая интеграция и конвергенция с отраслевой экономической политикой ЕС, включая создание зон свободной торговли;
- энергетическая безопасность (надежное энергоснабжение как стран-партнеров, так и ЕС; развитие источников возобновляемой энергии);
- развитие контактов между людьми (либерализация визового режима и одновременно усиление борьбы с незаконной миграцией).

В сопровождавших декларацию документах разъяснялось, что конкретное выражение ВП получит в пяти «флагманских инициативах»:

- программа пограничного менеджмента;
- интеграция энергетических рынков, повышение эффективности энергетики и развитие возобновляемых источников энергии;

- специальная программа по развитию малого и среднего бизнеса;
- южный «газовый коридор»;
- борьба со стихийными бедствиями [3].

ВП также предусматривает заключение в перспективе (при условии успешного выполнения намеченных программ) двусторонних соглашений между ЕС и странами-партнерами об ассоциации, что должно послужить важным шагом на пути их дальнейшей интеграции в европейское социально-экономическое и политическое пространство. На реализацию программы ВП ЕС планирует выделить в 2010–2013 гг. 600 млн евро.

«Восточное партнерство»: мотивы участников

Появление ВП вызвало ряд вопросов относительно состава его участников и их индивидуальных целей. Четыре страны (Украина, Молдова, Грузия и Азербайджан) входят в ГУАМ, и их курс на вступление в НАТО и ЕС определен ими на официальном уровне (хотя и не получил безусловной поддержки со стороны упомянутых организаций). Другое дело – Беларусь. Она является давним стратегическим партнером России, которая заинтересована в развитии взаимных тесных военно-политических и экономических отношений. В свою очередь в Минске также не раз заявляли о приверженности курса на развитие отношений с Россией.

Российские аналитики считают, что основной движущей силой ВП является Польша. Она все увереннее претендует на роль лидера в отношениях ЕС с его «новым соседством» на Востоке. Польская газета откровенно пишет по этому поводу: «Принятие программы «Восточное партнерство» является огромным внешнеполитическим успехом Варшавы, которой удастся начать осуществление стратегии внедрения в «зону ответственности СНГ» и охвата востока Европы в обход России» [4].

Позиция Киева также понятна: помимо сугубо прагматичных соображений (получение европейской финансово-экономической и технической помощи), ряд украинских политиков (особенно в преддверии президентских выборов 2010 г.) был не прочь разыграть антироссийскую карту по всему геополитическому спектру своих амбиций с целью быстрой интеграции в евроатлантические структуры.

Несколько сомнительным выглядит положение Молдовы, которая, обвинив в весенних событиях в Кишиневе (2009 г.) Румынию, не решилась в полном объеме примкнуть к ВП. Молдавские президент и премьер-министр проигнорировали саммит ВП, Кишинев был представлен в Праге министром иностранных дел.

Особняком стоит вопрос о белорусском «представительстве» в ВП. С одной стороны, убедившись в

бесперспективности лобового давления на Минск и его тотальной международной изоляции, ЕС решил активизировать процесс социально-экономических и политических реформ в Беларуси (по западному сценарию) и ее интеграции в европейское пространство. С другой стороны, сам Минск не прочь сбалансировать свою внешнеэкономическую и внешнеполитическую стратегию, избавившись от однозначной ориентации на Москву, использовать сближение с ЕС в рамках ВП для оказания давления на Россию (причем не только в вопросах двусторонней торговли, но и кредитной политики, а также цен на энергоресурсы). Недовольство в Кремле вызвал «вежливый» отказ Минска признать независимость Абхазии и Южной Осетии, который был, очевидно, обусловлен его стремлением получить в обмен на этот шаг европейскую помощь в рамках ЕП и «размораживание» отношений со странами ЕС. Суть белорусской стратегии балансирования между Россией и Западом кратко сформулировал первый вице-премьер Владимир Семашко: «Мы должны стоять на двух ногах, иметь отличные отношения с Россией. Нам ее никто никогда не заменит. С другой стороны, мы должны работать с Европой» [5].

Что же на самом деле стоит за «Восточным партнерством»?

При знакомстве с официальными целями ВП складывается впечатление, что большинство из них носит сугубо декларативный характер. Так, в документах по ВП содержится намек на возможность присоединения в будущем этих стран к ЕС. Однако на деле Брюссель не собирается выполнять это туманное обещание, о чем не раз говорили высокопоставленные представители ЕС и отдельных европейских стран [6].

В Пражской декларации специально подчеркивалось, что в своей деятельности ВП будет руководствоваться принципом «кондициональности», т.е. продвижения вперед только при условии выполнения странами – участницами ВП определенных требований ЕС. В одном из меморандумов ЕС по ВП достаточно откровенно разъяснялось, как будет применяться данный принцип: «То, насколько мы продвинемся в отношениях с каждой страной, будет зависеть от прогресса, достигнутого партнерами на пути реформ и модернизации» [3].

Другие официально декларированные цели «партнерства» реализовать на практике будет не менее трудно. Возьмем, например, обещание ЕС ввести облегченный визовый режим, который необходим восточноевропейцам для активизации бизнеса, туризма, миграции рабочей силы и пр. Многие страны ЕС опасаются, что подобная мера может привести к неконтролируемой миграции из стран – членов ВП

(большинство которых находится в сложном социально-экономическом положении), а также активизации организованной преступности на территории ЕС. Поэтому они не склонны к скорейшему изменению визового режима, а соответствующие обещания, прозвучавшие в документах и заявлениях лидеров ЕС по ВП, скорее всего, так и останутся декларациями.

Хорошо знающее внутреннюю «кухню» принятия решений в ЕС издание «EUobserver» так описывает предысторию Пражской декларации о ВП. В тексте, предложенном 29 апреля 2009 г. председателем в ЕС Чехией, содержалось обращение к будущим участникам ВП как к «европейским странам», а также упоминалось «облегчение визового режима». (В декабрьском коммюнике Еврокомиссии по ВП (2008 г.) говорилось даже о возможности введения безвизового режима в долгосрочной перспективе.) Однако в новой редакции документа, одобренной 6 мая 2009 г. (накануне пражского саммита), приглашенные к участию в саммите шесть государств названы лишь «странами-партнерами». Либерализация визового режима стала именоваться «долгосрочной целью». На этих изменениях в декларации настояли Германия и Нидерланды из опасения внушить партнерам ложные надежды на слишком быстрые темпы интеграции [7]. Отметим также, что в Пражской декларации отсутствует и тезис о создании в будущем экономического сообщества стран – участниц ВП, который был в более ранних документах [8].

Российские эксперты считают, что настоящие приоритеты ВП существенно отличаются от официально заявленных. Самым важным компонентом ВП российские аналитики считают его энергетическую «составляющую», в частности, создание альтернативных России путей энергоснабжения Европы. Мотивами ЕС в данном случае выступают стремление избежать энергозависимости от России; неуверенность в надежности Украины как страны-транзитера; опасение, что Россия может использовать энергетическую дипломатию для давления на страны ЕС с антироссийским креном во внешней политике – государства Балтии, Польшу и пр. [9]. В связи с этим ЕС всячески поддерживает строительство трубопроводов в обход России («Набукко» и «Белый поток») и переключение энергоресурсов Азербайджана, Казахстана, Туркмении, Узбекистана, Ирака и Ирана именно на эти пути.

Еще одна очевидная цель ВП – подрыв геополитического влияния России в Восточной Европе и укрепление здесь позиций ЕС. Активизация российской политики в этом регионе в последние годы (особенно в связи с событиями на Кавказе в 2008 г. и «газовым конфликтом» с Украиной в начале 2009 г.) вызвала известное беспокойство; фактически ЕС поддержал Грузию и Украину в их конфликтах с

Россией. При этом Брюссель постоянно подчеркивает, что ВП не имеет антироссийского характера: «Это – вовсе не антироссийская инициатива. Это – ответ на стремление наших восточных соседей существенно углубить и расширить их отношения с ЕС. Россия остается важнейшим партнером... с которым мы сейчас ведем переговоры по новому всеобъемлющему соглашению. Мы всегда подчеркиваем, что партнеры по линии ВП нуждаются в хороших рабочих отношениях со всеми своими соседями, включая Россию» [3].

Ряд российских экспертов говорят о намерении ЕС окончательно дезинтегрировать постсоветское пространство с помощью ВП и вывести страны СНГ из-под влияния России [10].

Стремление вернуть калининградский вопрос в двустороннюю повестку дня РФ–ЕС для обсуждения на выгодных для Брюсселя условиях – также входит в сферу интересов ВП. Несмотря на то что в Пражской декларации о ВП ни слова не было сказано об этой проблеме (да и о России вообще), представители ЕС (в частности, министр иностранных дел Польши Радослав Сикорски) дали понять, что они выступают за участие Калининградской области (КО) в проектах по линии ВП [11]. По их словам, важно сохранить единство и целостность европейского пространства от Балтики до Черного моря и Каспия и использовать потенциал КО как важного транзитного пункта для успешной реализации всего проекта ВП. При этом, правда, не уточняется, какие конкретно предложения имеются в виду и насколько они соответствуют российским интересам.

Наличие подобных целей у ВП (тайных или явных) не могло не вызвать настороженной реакции Москвы. Она правомерно увидела в этом проекте определенную антироссийскую подоплеку, что было отмечено в ряде выступлений российских лидеров.

Наиболее четко официальная позиция Москвы в отношении ВП была сформулирована постоянным представителем РФ при ЕС Владимиром Чижовым: «... наша позиция сводится не к тому, чтобы противодействовать «Восточному партнерству». Как любая региональная инициатива, она имеет право на существование. Для нас важно, чтобы то, что делается в рамках этой инициативы, не было направлено против российских интересов, на искусственный отрыв этих стран от сотрудничества с Россией. Мы против того, чтобы данные страны СНГ ставились перед искусственной дилеммой: либо вперед, в светлое будущее с Евросоюзом, либо назад – с Россией. А то, что такие признаки на начальном этапе «Восточного партнерства» были, – факт. Мы не против сотрудничества стран СНГ с ЕС. Мы, по большому счету, даже не против той голубой мечты, которая существует в некоторых странах, – об эвентуальном членстве в Евросоюзе.

Главное, чтобы это не создавало новых разделительных линий в Европе» [12].

Исполнительный секретарь СНГ Сергей Лебедев честно предупредил участников программы ВП, что у них могут возникнуть проблемы: «Как человек, который обладает информацией о состоянии экономики, я вижу, что на данном этапе ЕС не сможет компенсировать те потери, которые страны могут понести в результате участия в “Восточном партнерстве”» [4]. По его мнению, придется выбирать: или СНГ и дружба с Россией, или «Восточное партнерство» и мизерная помощь ЕС.

Позиция Москвы в отношении ВП получила соответствующую оценку со стороны ЕС. Так, еще накануне пражского саммита чешский дипломат анонимно прокомментировал отношение к этой инициативе со стороны России: «Москва весьма негативно относится к “Восточному партнерству”». Но, честно говоря, это проблема России. Они видят мир через очки с нулевой суммой. А мы нет» [7].

Есть ли у «Восточного партнерства» будущее?

Учитывая расхождение между декларированными и реальными целями ВП, а также в целом негативную реакцию Москвы на него, можно выразить обоснованные сомнения относительно возможности успешной реализации этого проекта. Несомненно, Россия, являясь ключевым игроком в регионе, имеет все возможности для блокирования ВП (или, по крайней мере, для максимального снижения его эффективности).

Реализации ВП препятствуют следующие факторы:

1. Планы создания альтернативных путей энергоснабжения Европы находятся под большим вопросом. Во-первых, в условиях глобального финансово-экономического кризиса ЕС не имеет возможности быстро реализовать такие масштабные проекты, как «Набукко» и «Белый поток» (учитывая, что стоимость первого, по оценкам специалистов, возросла с 5 до 7,9 млрд евро, а стоимость второго по-настоящему еще не просчитывалась) [13]. Во-вторых, потенциальные экспортеры энергоресурсов (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан) не имеют физических возможностей для производства объемов газа, достаточных для наполнения указанных трубопроводов. Вдобавок, эти страны связаны обязательствами перед Россией транспортировать газ через ее трубопроводы. Не без влияния Москвы Казахстан, Узбекистан и Туркменистан отказались подписывать в Праге декларацию о развитии «Южного транспортного коридора». Высшие руководители этих стран не приехали на пражский саммит, прислав вместо себя представителей более низкого ранга. В-третьих, среди самих стран-членов ЕС нет единства относительно способов

энергоснабжения Европы. Так, ФРГ активно выступает за строительство Северо-европейского газопровода («Северного потока»), Италия, Греция и Болгария – «Южного потока». Они неодобрительно относятся к инициативам своих партнеров по ЕС, способным вызвать осложнение отношений с Москвой в сфере энергетики. Наконец, в-четвертых, по разным причинам (курдская проблема в Турции и Ираке, сложная экономическая и внутривосточная ситуация в Ираке и на Украине) многие европейцы воспринимают эти страны как не очень надежных партнеров в области поставки энергоресурсов.

2. Существуют большие сомнения в способности ЕС на самом деле всерьез изменить природу существующих режимов в странах – членах ВП, превратив их в процветающие государства, разделяющие европейские ценности и идеалы. У ЕС нет достаточных средств, чтобы добиться желаемого результата (ему сложно «переварить» даже «новых» членов Союза), да и нынешнее поколение политиков на постсоветском пространстве готово лишь симулировать приверженность демократии, а не следовать этим ценностям на практике.

3. Что касается политики Беларуси в рамках ВП, то она вряд ли может позволить себе в отношении России больше, чем показную фронду. Учитывая ее зависимость от России в области энергетики, финансов и торговли, она не решится на активное движение в сторону Европы (тем более что последняя не может пока обещать ничего сравнимого с российским «вариантом»).

4. Между самими участниками ВП существуют серьезные разногласия, которые могут помешать реализации этого проекта. О проблемах в отношениях Азербайджана и Армении хорошо известно. Но и в отношениях других участников «партнерства» все далеко не безоблачно. Так, Молдова имеет непростые отношения с Румынией из-за попыток последней вмешиваться во внутренние дела Молдовы (весна 2009 г.). Румыния, Молдова и Украина имеют разногласия в подходах к урегулированию конфликта в Приднестровье. Бухарест периодически предъявляет Киеву претензии по поводу соблюдения прав румынского населения в приграничных районах Украины [14]. Не остался незамеченным и факт отсутствия молдавского и белорусского президентов на пражском саммите, несмотря на то, что они оба были официально приглашены.

5. Отношение стран – членов ЕС к ВП также неоднозначно. Обращает на себя внимание тот факт, что лидеры таких влиятельных стран ЕС, как Англия, Франция, Италия и Испания, не приехали на пражский саммит. Помимо них, это мероприятие проигнорировали высшие руководители Австрии, Португалии, Люксембурга, Мальты и Кипра. Тем самым

они продемонстрировали тот факт, что ВП явно не относится к числу их важнейших внешнеполитических приоритетов. Видимо, ВП гораздо важнее для приглашенных к участию в нем стран, нежели для ведущих стран ЕС. «Таким образом, – заключает один из экспертов, – стратегический план по созданию кольца вокруг России постепенно оборачивается бременем для Евросоюза. И, похоже, на Западе начали задумываться о цене сомнительного партнерства со странами, либо враждующими между собой, либо не отличающимися стабильностью» [15].

6. Под ВП пока не подведен должный финансовый фундамент. По причине глобального финансово-экономического кризиса и необходимости оказания помощи странам-«новичкам» ЕС не в состоянии выделить солидные средства на реализацию проекта. По тем же причинам он не может привлечь на эти цели ресурсы международных финансовых организаций и частного капитала. Выделяемые ЕС 600 млн евро (вдвое меньше ранее обещанной суммы) являются скорее символическими и не в состоянии помочь участникам ВП в решении их проблем.

7. Ряд российских экспертов отмечают, что Россия своим отказом включить Калининград в сферу действия ВП сорвала планы ЕС «легитимизировать» «партнерство» таким способом. Брюссель так и не смог дать внятный ответ на вопрос Москвы, почему другие приграничные регионы России, имеющие устойчивые интересы сотрудничества со странами ВП, не были приглашены к участию в проекте.

8. Нельзя не отметить определенную непоследовательность ЕС в планировании и реализации региональных измерений своей политики «нового соседства». Так, несмотря на то, что в Пражской декларации было специально подчеркнуто, что ВП не является помехой реализации существующих двусторонних и региональных проектов, не ясно, как ВП будет «уживаться», например, со стратегией ЕС под названием «Синергия Черного моря», обнародованной в апреле 2007 г. Оба проекта территориально, содержательно и организационно во многом пересекаются друг с другом. Так, например, участниками черноморского сотрудничества являются пять из шести участников ВП. Франция же выражает озабоченность относительно того, не составит ли ВП конкуренции поддерживаемой Парижем идее «Средиземноморского союза».

Возникает вопрос: не приведет ли все это к многочисленным параллелизмам, дублированию в действиях ЕС и других международных организаций в этом регионе, а также распылению финансовых средств (и без того весьма скромных), выделяемых на проект? Ряд российских экспертов считают, что с принятием программы ВП ЕС фактически признал провал своей (упоминавшейся ранее) европейской политики со-

седства (по крайней мере, в отношении своих восточных соседей) [16].

Результатом несогласованности действий стран – членов ЕС в отношении «партнерства», а также бюрократических проволочек внутри Еврокомиссии стали весьма вялые темпы реализации инициативы. Разумеется, это вызвало негативную реакцию стран – участниц ВП. Последние не раз упрекали ЕС в отсутствии единого подхода и комплексного видения будущего механизма взаимодействия в рамках партнерства, согласованного механизма оформления проектных заявок и унифицированной формы предоставления проектных предложений, а также длящейся внутренней дискуссии в ЕС относительно концепции практической имплементации инициативы [17].

Шведское председательство в ЕС, начавшееся с 1 июля 2009 г., принесло свои сюрпризы в отношении ВП. Многие политологи – российские и зарубежные – ожидали, что при шведском председательстве реализация ВП будет происходить ускоренными темпами, поскольку Стокгольм считался одним из «спонсоров» проекта. Однако неожиданно для многих 2 июля 2009 г. премьер-министр Швеции Фредрик Рейнфельдт заявил о фактически временной приостановке программы ВП в связи с «возникновением новых вызовов».

В заключение отметим, что имеются существенные расхождения между зарубежными и российскими оценками ВП. Первые носят преимущественно позитивный характер. Их суть сводится к тому, что при грамотном использовании заключенных в программе возможностей страны – участницы ВП могут получить значительные выгоды как в экономическом, так и социально-политическом планах. В российской же политической и экспертно-аналитической среде позитивные оценки ВП практически полностью отсутствуют. В лучшем случае встречаются скептические оценки перспектив эффективного выполнения этого проекта, а само «партнерство» представляется в качестве очередного продукта бюрократической машины ЕС, своего рода отговорки перед его восточными соседями, замены перспективы их членства в ЕС. Преобладают же негативные, а то и алармистские мнения, указывающие на возможный вред этой инициативы для российских национальных интересов и предсказывающие ее возможные негативные последствия для региональной системы безопасности по причине возникновения новых разделительных линий на континенте и неизбежного обострения отношений с Россией, настороженно (если не враждебно) относящейся к ВП.

Вместе с тем, российские и зарубежные эксперты сходятся в одном: в обозримом будущем следует ожидать активизации российской и европейской дипломатии на восточноевропейском направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Mackinder H. J. The Geographical Pivot of History / H. J. Mackinder // Geographical Journal. – 1904. – Vol. 13, № 4. – P. 421–440.
2. Joint Declaration of the Prague Eastern Partnership Summit, 7 May 2009, Prague [Электронный ресурс]. URL : http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/er/10758.pdf
3. Eastern Partnership. Memo/09/217. Brussels. 5 May 2009 [Электронный ресурс]. URL : <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=MEMO/09/217&format=HTML&aged=0&language=EN&guiLanguage=en>
4. Тарасов С. «Восточное партнерство» – ловушка для Азербайджана [Электронный ресурс] / С. Тарасов. URL : www.regnum.ru/news/1166539.html
5. Мы должны работать и с Россией, и с Европой [Электронный ресурс]. URL : www.regnum.ru/news/1161403.html
6. Украина не попадет в ЕС, если не выполнит программу «Восточное партнерство» [Электронный ресурс]. URL : www.regnum.ru/news/1158830.html
7. ЕС не считает членом «Восточного партнерства» «европейскими странами» и не уважает «территориальную целостность» Грузии и Азербайджана [Электронный ресурс]. URL : www.regnum.ru/news/1160636.html
8. Восточное партнерство. Сообщение Европейской комиссии для Европейского парламента и Европейского совета. Брюссель. 3.12.2008 [Электронный ресурс]. URL : http://ec.europa.eu/external_relations/eastern/docs/com08_823_ru.pdf
9. Шенин С. Ю. Мифология «Белого потока» [Электронный ресурс] / С. Ю. Шенин. – Саратов : Научно-образовательный Центр сотрудничества со странами СНГ и Балтии Саратовского госуниверситета, 2008. URL: <http://cis-center.ru/>
10. Жильцов С. С. СНГ под натиском «Восточного партнерства». Инициативы европейцев могут дорого обойтись России [Электронный ресурс] / С. С. Жильцов. URL : http://www.ng.ru/politics/2009-04-30/3_kartblansh.html
11. Польша приглашает Калининградскую область РФ в программу «Восточное партнерство» ЕС [Электронный ресурс]. URL : www.regnum.ru/news/1160335.html
12. URL : http://www.ng.ru/courier/2009-05-18/9_chizhov.html?mright=0
13. Crooks E. Turkey pressed to fall into line over gas project / T. Crooks // Financial Times. – 2009. – February 11. – P. 7.
14. «Когда же Кремль укусит?» : обзор СМИ Румынии [Электронный ресурс]. URL : www.regnum.ru/news/1164921.html
15. Горбунов А. «Восточное партнерство» уже становится бременем для ЕС [Электронный ресурс] / А. Горбунов. URL : <http://www.inosmi.ru/translation/248965.html>
16. ЕС намерен предложить России вступить в «Восточное партнерство» [Электронный ресурс]. URL : <http://news.mail.ru/politics/2350868/>
17. Белоруссия ждет поддержки своих проектов в рамках «Восточного партнерства» [Электронный ресурс]. URL : www.regnum.ru/news/1191657.html

Санкт-Петербургский государственный университет

Сергунин А. А., доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений

E-mail: sergunin60@mail.ru
Тел.: (812) 576-42-28

St. Petersburg State University

Sergunin A. A., Doctor of Political Science, Professor, Department of Theory and History of International Relations

E-mail: sergunin60@mail.ru
Tel.: (812) 576-42-28